

Книжная полка

**СОЦИАЛЬНАЯ АКТИВНОСТЬ
ПРОТИВ СОЦИАЛЬНОЙ ИНЕРЦИИ**

(рецензия на книгу: Макаренко В.П. *Практикующие гегельянцы и социальная инерция. Фрагменты политической философии М.К. Петрова. Ростов-на-Дону: Изд-во МАРТ, 2013. — 536 с.*)

С.С. Неретина
Институт философии РАН

Аннотация: Рецензия на книгу В.П. Макаренко «Практикующие гегельянцы и социальная инерция. Фрагменты политической философии М.К. Петрова».

Ключевые слова: петрововедение, гегельянство, социальная инерция, политическая философия, рецензия.

Эта «книга является развитием идей, высказанных в предшествующей монографии», «Научно-техническая контрреволюция: идеи М.К. Петрова как источник мысли» (Ростов-на-Дону, Ростиздат, 2011). Автор сообщает, что составившие книгу статьи первоначально читались в виде докладов на чтениях, посвященных М.К. Петрову, которые проводятся на факультете философии и культурологии прежде — Ростовского государственного университета, а теперь — Южного федерального университета.

В этой монографии, состоящей из 12 глав и «Приложения» обсуждения своей первой книги, к которому добавлены заочные отклики А.П. Огурцова, С.С. Неретиной, В.Н. Поруса А.Н. Олейника и С.Б. Лугвина, В.П. Макаренко показывает способы, какими М.К. Петров оказывается в одном ряду с теми, кто когда-то был его гонителем, а ныне ставится с ним в один ряд. Из «Приложения», кстати говоря, ясно, что некоторые из выступавших либо кого-то ругали и ставили под сомнение качество изданий о М.К. Петрове, либо занимались самовозвеличиванием («А.Н. Ерыгин: ...То, что я сделал, намного серьезнее того, о чем пишет Виктор Павлович», с. 449. Великое дело — публикация обсуждений! Люди проговариваются и часто не слушают и не слышат друг друга). Одним из способов является отождествление идеологии и культурологии, и эта «культурная система» начинает «функционировать как ложное сознание, как духовная компенсация и как карта социальной действительности одновременно» (с. 11).

Но главное в книге — попытка разобраться с вопросами «кто?» и «что?». Мы иногда говорим о советской философии или как о философии «как у всех», или о философии, которая под шапкой марксизма выставляла экзистенциалистские, позитивистские и прочие тенден-

ции. Это значит, что пишущие так не уважают ни философии, ни себя самих, пытаются искривить и разукрасить невсамделишными красками саму мысль. Макаренко же — плохо ли, хорошо, — но четко ставит вопрос: кто ставил определенные вопросы и кто принимал определенные решения и что в результате произошло? Это не риторические вопросы вроде известных «кто виноват?» и «что делать?», а вопросы, требующие заглянуть в соответствующие кондуиты и ответить: Иванов, Сидоров, Климов. Эти ответы должны снять круговую поруку, в результате которой мы все оказываемся замешаны в кромешной лжи, а это не так. Эти ответы должны показать меру ответственности, которую вполне конкретные люди должны взять на себя, и стало бы ясно, кто именно остался на прежних позициях, кто пересаживается с одного удобного кресла в другое, а кто искренне ужаснулся.

Весьма существенно показать актуальность названия книги, связывающее практикующих гегельянцев (по Петрову) с социальной инерцией. Макаренко анализирует три проблемы, поставленные Петровым: влияние гегелевской диалектики 1. на «науку и научную политику», 2. «на социальную ответственность индивидов» и 3. «на гносеологический кризис современности» (с. 44). Он опирается на суждение Петрова о Гегеле (весьма спорное) как «на философию для школьников и студентов» и «как основанный на теоретическом отчуждении знаковый фетишизм (в виде Нравственного прогресса, Абсолютного духа, Колеса Истории, Логики)» (с. 44), однако истина приходит не вовремя, наука не готова ее принять, а всеобщий разум превращается «в воинствующего цензора». И далее без объяснений: «Система Гегеля является теологией» (там же), его тексты «выполняют роль эзотерического языка философского сообщества» (с. 45), современные ученые — это практикующие гегельянцы, ибо не любят говорить о глубине дисциплинарных вечностей, верят во всеислие научного метода, сблизают модельно-математический фанатизм с логико-субстанциональным и пр. При этом, у Петрова Макаренко все принимает на веру. Самостоятельного анализа Гегеля нет. И это вполне согласуется с общим методом Макаренко: принимать на веру чем-то ему близкое, без собственных наработок, иногда кажется — по наитию, — но по наитию, близкому многим еще живущим интеллигентам. Эклектизм такого метода был бы малопривлекателен, если бы Макаренко не двигала общая большинству ученого сообщества боль за науку, за пробуждающийся авторитаризм в ее ведении и создание множества абсурдных ситуаций, ведущих к срыву научных путей развития. Такого рода эклектизм показывает не возможности некритического соединения материала, из которого, кстати, может получиться неплохой дом, а столкновение противоположных задач, вырастающих из одного и того же материала. Вырастают, к примеру, очевидные преимущества нелинейного мышления над линейным, и эти преимущества выражены в отказе интерпретировать социальные явления в терминах одних лишь естественных наук. «Главные усилия должны направляться не на поиск фундаментального знания, а на оперативное информационное обеспечение процесса выработки решения по таймированной проблематике» (с. 47). При этом совершенно великолепным кажется портрет Ю.А. Жданова (сына А.А. Жданова, ближайшего сподвижника Сталина и гонителя Ахматовой и Зощенко) из «Рабочих записок» Виталия Семина. Семин описывает философию Жданова, ректора Ростовского университета, как дом, в котором «нет ни одного человека». Страшные слова о сложившейся в СССР философии: «Одной точки зрения у них нет — той самой, которая идет от сочувствия, от кожного понимания, что такое бедность, труд, забота, тяжесть» (с. 62). Трудно при таком ректоре испытывать сочувствие к Петрову, хотя именно он взял его на работу — не из сочувствия ли?

В книге Макаренко впервые повесть Петрова «Экзамен не состоялся», за которую он был исключен из рядов КПСС, ставится «в контекст советского менталитета» (с. 69) и высказываются некоторые гипотезы относительно имен и идей повести. Так, фамилия Шатова связывается с Шатовым из «Бесов» Достоевского, и он, «чистой души романтик» (с. 76) — рупор идей Петрова, который уж точно не признавал «монополии правительства на решение социальных проблем» (с. 76), считая критику «универсальным социальным феноменом социа-

лизма» (с. 77). Имя Виктор отсылает к имени Победоносцева, и Викторина Победоносцева тем самым символизирует «идеологическую систему в три раза хуже идеологии Победоносцева» (с. 74). Согласимся с Макаренко, что «эти вопросы требуют особого анализа», но в любом случае повесть Петрова ориентирует на оценку «идей самого исторического Победоносцева; идей советской философии; моды на ностальгию» по советскому прошлому, которым переполнены нынешние средства массового оглушения» (там же). По мнению Макаренко, Петров описывает типы философов: революционера-подпольщика и недоделанного теоретика, коммуниста-философа-разведчика (все — фигура Шатова), придворного философа, циника. Главный итог чтения: восприятие Макаренко «текста Петрова как философского введения в политический смысл проблемы о соотношении веры и знания вообще... и концепта теодицеи в особенности» (с. 96), чему и посвящена глава 3, резюме которой следующее: «Вера и мораль были и останутся частной и потому случайной собственностью человека. Вера не связана с признанием истинности тех или иных ее положений. В ней лишь выражается наше моральное или политическое одобрение или неодобрение. Тогда как христианская идея оправдания добра и преобладания добра над злом пытается связать в одно целое совершенно противоположные ценности для того, чтобы их не могли нарушить никакие факты. На мой взгляд, в этом и состоит смысл нынешних либеральных проповедей „общечеловеческих ценностей“ или монархических воплей о связи православия с русским народом, российской державой или всеми славянскими нациями. Любая связь такого типа еще более сомнительна, чем религия» (с. 133).

Что привлекательно в этом пассаже? Первые и, на мой взгляд, совершенно неверные представления о христианской вере и благе (в тексте главы — цитата из блаженного Августина) сопряжены с последними справедливыми предложениями о состоянии современного менталитета, и это сопряжение — вполне в духе описываемой Макаренко на с. 22 ситуации в России.

Книга вся построена на метафорах и анализе метафор: «Культурный коктейль или описание стайных животных», «Чертов контур и могильщики государства», «Техно-якобинцы на подхвате». Все это подогревает интерес к книге, где одной из основных проблем является то, «что ученые поддерживали деспотические режимы по причине этатизации науки» и «этот феномен базируется на связи науки с военно-промышленным комплексом», являющейся «разновидностью коллаборационизма», каковым является и «военно-политический коллаборационизм», который «можно квалифицировать как измену родине» (с. 422). Эта проблема, по мнению Макаренко, является универсальной, а потому ее изучают «в контексте революций, войн и их последствий» (с. 437).

Я не говорю уже о том, что вызывают живейший отклик и понимание страницы, посвященные личным воспоминаниям о лекциях М.К. Петрова, «отвага» которого заключалась уже в том, чтобы отбросить учебник по философии и обратиться к оригинальным текстам, об отвращении к учебникам и преподавателям, пересказывающим учебник.

Однако как и во всякой хорошей книге в книге Макаренко есть свои недостатки. Остановлюсь только на некоторых.

Я не думаю, что советская культурология возникла «как место отстоя идеологических жандармов» (с. 9), несмотря на справедливые упоминания о том, что во главе ее стояли люди, одно упоминание о которых вызывает — воспользуюсь терминологией Макаренко — брезгливость. Но это разные вещи — созидание и поставление во главе институции. Ни С. Аверинцев, лауреат, кстати, премии ЦК ВЛКСМ, ни А. Гуревич, ни М. Петров, ни В.С. Библер, ни Ю.М. Лотман не разрабатывали культурологию «для *противостояния* советскому официальному дискурсу» (с. 8). Они делали свою работу потому, что так диктовали их ментальные стремления. Это можно расценивать, как противостояние, и это *стало* противостоянием в силу их необыкновенной трудоемкости и внутренней потребности.

Я не думаю, что правомерна настойчивость видеть в радио, кино и телевидении (странно, что в перечень не вошел Интернет) способы оболванивания нации: такая неприязнь рождает недоверие к научно-техническим новинкам. Можно с равным успехом считать, что оболваниванием являлись внедренные в свое время часы, изменившие ход истории в средневековье.

В силу того, что В.М. Макаренко сам специально не занимается исследованиями на основании оригинальных документов, а базируется в основном на опубликованных западно-европейских и российских работах, из которых он изымает факты для иллюстрации своей позиции о социальной инерции, ему легко отбиваться от противников: на все вопросы он отвечает «я ссылаюсь на работы В. Налимова», «о кастратах пишет Петер Слотердайк» или «здесь присутствует Елена Всеволодовна Золотухина — она недавно книжку написала о Налимове, я еще не успел прочитать. Вот у нее... и спроси». (с. 449). Полагаю, что негоже не отвечать на прямо обращенные к автору книги вопросы и отсылать за ответом к прочитанным или непрочитанным книгам. Мнение Д. Зильбермана высказывается на основании книги Е. Гурко, хотя давно вышла монография самого Зильбермана. Ссылаясь только лишь на исследования Г.А. Комаровой, автор делает глобальное утверждение: «Само научное сообщество СССР/России является формой подавления мысли» (с. 18). Побойтесь Бога, Виктор Павлович, Вы сами-то разве к нему не принадлежите? Вот ведь написано, что Вы — заведующий лабораторией... в официальном научном учреждении ЮФУ! А «научное поголовье» есть в любом научном институте с тех пор, как возникла инициатива всеобщей грамотности. Оно свойственно и США, и Франции, и Германии, как и России.

Считая постыдным разного рода плагиаты, я тем не менее полагаю, вопреки мнению Макаренко, что диплом доктора наук не является «знаком признания квалификации его обладателя» даже «для тех, кто ориентируется на работу с властями» (с. 9-10), я считаю специально раздутой практикой гонения на получивших различные степени ученых, чтобы показать праведность законов, ведущих к ослаблению науки. Если признать верным положение Макаренко, то и его самого, доктора философских наук, можно считать человеком, ориентирующимся «на работу с властями».

Не всегда ясны аббревиатуры. Так, чтобы понять, что такое КЦП, нужно поискать глазами вверху словосочетание «культурно-цивилизационный подход» (с. 11).

Однако чтение этой, во многом залихватской, книги, подчас вызывающей недоумение, доставляет и огромное удовольствие, которое, надеюсь, получают и другие ее читатели — «научные работники, преподаватели, аспиранты и студенты вузов, специализирующиеся в области политической философии, истории и теории науки».